

Сека Гадиев

ВДОВА

Рассказ

Кавказский хребет в самой его середине рассечен Кудским ущельем. Вокруг стоят горы-великаны, устремив за облака свои вершины. Склоны и долины пестрят цветами и воздух полон их запаха. Высоко вверху сверкает на солнце снег, оттуда мчатся вниз белопенные потоки. Радостно чувствует себя человек в этих местах, и дышится ему здесь легко.

Прекрасно Кудское ущелье летом, но как тяжело жить здесь зимой! Здесь выпадает особенно много снега. Ветер несет его с севера, из-за хребта, и он ложится по склонам слоем в человеческий рост.

В Кудском ущелье, на берегу Арагви, жили два брата – Таджи и Дзама. Оба были бездетны. Жили они богато, двери свои держали открытыми для всех, любому путнику были они гостеприимными хозяевами и добрая слава о них разнеслась по обе стороны гор. Люди, любя их, часто молили бога дать двум братьям потомство, но молитвы эти не помогли: Таджи и Дзама так и остались бездетными.

Во время присоединения Грузии к России выдалась голодная зима. Поля иссохли, выгорели от солнца, хлеб не уродился. Люди, погибая от голода, меняли на хлеб все ценное, что у них было: ружье отдавали за горсть зерна, которая помещалась в стволе, саблю – за то, что помещалось в ножнах. А когда уже нечего было менять, продавали своих умирающих голодной смертью детей.

Была поздняя осень, небо хмурилось. Север дышал холодом и запахом снега, над хребтами клубились черные тучи и у людей на сердце было мрачно: они с тревогой ждали наступления голодной зимы, зная, что помощи ждать неоткуда.

Неподалеку от Косета, на берегу Арагви, на холме жил арагвинский князь.

Однажды жена сказала князю:

– Приближается зима, а у нас нет ни одной мерки зерна. Что мы будем есть? Мы уже продали все, что можно было продать! С холопов наших тоже взять нечего. Старая пословица гласит: «Если арба больше не годится, чтобы возить на ней дрова, значит, она сама годится на дрова». Возьми детей Глахи и продай их где-нибудь, обменяй на зерно.

Князь ничего не возразил.

Ночью через хребты прорвался северный ветер, засвистел, завьюжил, намел снежные сугробы. Стало необычно холодно.

Двое бедняков, муж и жена – Глаха и Марта – жили рядом с домом князя. В тот вечер они улеглись спать поближе к огню, укрывшись старой буркой. Детей своих, мальчика и девочку, они уложили между собой и стали рассказывать им сказки, чтобы дети забыли о голоде. Но от голода и холода страдает даже волк, что же сказать о маленьких детях?

Они долго не могли уснуть, плакали и просили хлеба.

Наутро потеплело. Солнце обласкало горы своими лучами и утесы засверкали золотом. Земля отогрелась. Запели птицы. Люди вышли на улицу. Глаха с женой и детьми тоже сидел у порога дома, греясь на солнце, и благодарил бога, создавшего светило.

Вдруг перед ними вырос княжеский моурау.

– Князь требует к себе ваших детей, – сказал он. Глаха сидел, как громом пораженный. Он ничего не мог понять, но сердце его сжалось от тревоги и он спросил дрожащим голосом:

– Зачем же князю наши дети? Княжеский посланец крикнул, подбоченясь:

– Откуда мне знать, зачем ему ваши дети? Это его дело? Он схватил мальчика и девочку за руки и потащил их к князю. Девочке было семь лет, мальчику – девять или десять.

Поднялся крик. От плача детей и причитаний родителей содрогнулась земля. Сердца всех, кто видел эту картину, готовы были разорваться, но вступить не посмел никто. Глаха с женой, плача, шли за детьми до самого княжеского двора. Войдя во двор, они упали на колени. Князь, выглянув с балкона, крикнул:

– Гоните прочь этих ослов, чтобы я не слышал их воя! Слуги пинками погнали несчастных за ворота. Те пошли прочь, плача и проклиная князя. Князь услышал эти проклятья и крикнул:

– Хосро! Хосро!

Толстый Хосро явился к нему.

– Скажи стражникам, чтобы они как следует намяли им бока! – приказал князь.

Стражники догнали стариков и избили так, что на них не осталось живого места. Они с трудом добрались до дому, и Марта в тот же день умерла. Собрались бедняки, такие же, как Глаха, и, оплакав несчастную женщину, похоронили ее. Глаха недолго прожил после этого и через несколько дней тоже умер.

В тот самый день, когда хоронили Марту, князь отправился продавать детей. По лицам их потоками лились слезы. Камень бы растаял от их плача, но сердце князя было тверже булыжника.

Вечерело. Солнце, не в силах смотреть на страдания сирот поспешило уйти за горы.

Было уже почти темно, когда князь добрался до дома Таджи и приветствовал хозяина.

– Добро пожаловать, – ответил Таджи. Он помог гостю спешиться. Детей тоже сняли с лошади и ввели в дом.

Таджи с князем сели у огня. Жены Таджи и Дзама обрадовались детям, приласкали их и те перестали плакать, но еще всхлипывали время от времени.

Зарезали барана. Мясо варилось в котле над пылающим очагом. Жена Таджи тем временем готовила угощение, пекла пироги с сыром. Наконец, ужин был готов. Накрыли обильный стол.

Таджи ни в чем не знал недостатка: при жажде пил пиво, для веселья – араку. Дом – полная чаша, вдоволь земли. Из года в год у него оставались излишки зерна.

Они долго пировали, тост следовал за тостом. Наконец, ужин закончился. Убрали столы. Таджи все еще не знал, зачем пожаловал к нему князь. Такой уж был у него обычай – не спрашивать гостя ни о чем, не угостив его сначала хлебом-солью.

Теперь время настало и Таджи обратился к князю:

– Позволь спросить тебя, куда ты едешь и куда везешь этих детей?

Князь ответил, пригладив ус:

– Ищу, где бы купить зерна. Холопы мои обнищали, у них нечего взять, вот я и меняю

этих двоих на хлеб.

Таджи, подумав, решил взять детей себе. Сошлись на десяти мерах зерна. Поговорили еще о том, о сем и улеглись спать.

Наутро, встав и умывшись, снова сели за стол, потом князь забрав свое зерно и оставив детей, отправился восвояси.

Таджи предложил брату взять одного из детей. Дзама усыновил мальчика, а девочка стала приемной дочерью Таджи. Девочку стали звать Гурдзыхан, а мальчика – Гурдзыбек.

Дети долго не могли забыть своих настоящих родителей плакали по ним, но, окруженные заботой и лаской приемных матерей, через несколько лет забыли родной грузинский язык и прошлая жизнь стала представляться им далеким сном. Лет в пятнадцать Гурдзыбеку стали доверять стадо. Таджи и Дзама уже не считали себя бездетными, в их домах звучали песни, слышался смех.

Как-то летним днем Гурдзыбек вместе с женщинами доил во дворе коров, Дзама, сидя на плоской крыше, возился с ружьем. Он весело шутил, глядя на свою семью, на сердце у него было светло и радостно.

Вдруг ружье выстрелило. Гурдзыбек ткнулся головой в ведро с молоком – пуля попала ему прямо в лоб и вышла из затылка. Женщины бросились к нему, Дзама тоже сбежал с крыши, но Гурдзыбек уже был мертв. Дзама молча повернулся и ушел в дом. Там он снова зарядил ружье, выстрелил в себя и опрокинулся навзничь посреди дома.

Поднялся крик и плач. Женщины рвали на себе волосы, царапали щеки. Сбежавшиеся люди тоже плакали, узнав о случившемся. Таджи в это время не было дома-близилось время сенокоса и он отправился в горы взглянуть на луга. За ним послали и вскоре он появился.

Через три дня был готов склеп. Таджи зарезал двух быков. Собрался народ из трех ущелий. Мертвых оплакали, положив в склеп, потом, вернувшись в дом, помянули покойников, сказали: «Светлая вам память!», и разошлись, а из опустевшего дома долго еще слышались причитания вдовы Дзама.

Прошло время, пролетели годы. Таджи стал забывать свое горе и жизнь вернулась в привычное русло. В те же времена на берегу Терека жили три брата, младшего из них звали Джиргол.

Как-то весенним днем Джиргол остановился возле дома Таджи и приветствовал сидевшего у дверей хозяина:

– Да будут добрыми твои дни!

– Живи счастливо, юноша, -ответил Таджи. В те времена старшие не обращались к младшим по имени. – Пойдем, солнце мое, в дом, поешь хлеба-соли, ты, наверно, проголодался в пути.

Джиргол хотел было отказаться, но у него было дело к Таджи и он, поблагодарив, без лишних слов вошел в дом.

Было как раз обеденное время. Гурдзыхан собрала им на стол. Они стали есть и пить, а она прислуживала им за столом.

Гурдзыхан и Джиргол раньше никогда не встречались. Теперь, увидев друг друга, они пришли в смятение. Им казалось, что сердца их стянуты раскаленными железными обручами, они не в состоянии были произнести ни слова.

Любовь так сильна, что, бывает, двое влюбленных при встрече не могут и слова вымолвить, хоть им и есть что сказать друг другу. Наконец, обед закончился, Гурдзыхан

убрала со стола.

Как я уже говорил, Таджи никогда не задавал гостям вопросов до того, пока их не накормит. Теперь, когда они встали из-за стола, Таджи спросил:

– Скажи, что за дело у тебя?

– Ничего особенного, я хотел арендовать у тебя пастбище, – смущенно ответил Джиргол.

Они договорились о плате за пастьбу – по одной овце с сотни – и Джиргол отправился домой. С этого дня он и Гурдзыхан горели тайным огнем.

Настала весна, природа пришла в движение. Джиргол пригнал свой скот на земли Таджи. Он сделал загон в зеленой долине и пас здесь свое стадо. Таджи стал пасти свой скот рядом. Гурдзыхан каждый день ходила на пастбище доить коров, каждый день видела Джиргола и сердце ее сгорало от любви к нему.

Как-то раз, когда она снова пришла на пастбище, Джирго. Я сказал ей:

– Девушка, неужели в тебе нет ни капли сострадания ко мне? Мое сердце обуглилось от любви к тебе, я не могу так больше. Уж лучше убей меня, вот тебе пистолет, – и протянул ей оружие.

Этого было достаточно. Сердце ее отчаянно забилось, дыхание перехватило. Она молча бросилась на грудь Джирголу и мир перестал существовать для них. Губы их встретились. Они опустили на шелковую траву. Недоенные коровы разбрелись по пастбищу. Бог знает, сколько бы они так просидели, не появившись вдали пастух со стадом. Он крикнул с пригорка:

– Джиргол, где ты? Твой скот разбредется! Влюбленные встали и разошлись: Джиргол направился к стаду, Гурдзыхан ушла домой. С этого дня их сердца слились в одно. Они поклялись, что никогда не изменят друг другу и станут мужем и женой.

Пришла поздняя осень. Небо стало хмуриться, на вершинах утесов забелел снег. Ветер нес с севера, из-за перевалов, черные тучи. Не стало слышно пения птиц – они улетели в теплые страны. Настало время и Джирголу возвращаться домой. Что ж поделаешь, он собрался в дорогу и отправился вместе со стадом обратно.

Вот и зима пришла, засвистела метелями, занесла все снегом, не оставив нигде ни одного черного пятнышка.

Гурдзыхан стала сама не своя. До сих пор веселая и общительная, теперь она была молчалива, печальна и бледна. Все ее мысли были с Джирголом, она часто смотрела в сторону Арвыком, куда он ушел.

Джиргол тоже худел день ото дня, забросил хозяйство и упрекал братьев в том, что они никак не женят его. Братья быстро поняли, в чем дело, и решили женить Джиргола. Кончилась зима. Земля задышала, деревья покрылись молодой листвой. На полянах запестрели цветы, наполняя воздух ароматом. Природа проснулась, праздная приход весны. Однажды старший брат Джиргола, Бицико, сказал:

– Пойдем к Таджи, засватаем его дочь для Джиргола. Родные согласились с ним.

Бицико взял посох и отправился в путь. Солнце уже садилось, когда он ступил на порог Таджи.

– Добрый вечер, Таджи!

– Будь здоров, Бицико, добро пожаловать! – ответил Та-джи.

Они вошли в дом, сели и начали неторопливо беседовать о погоде, о травах, о домашних делах. Тем временем подоспел ужин. Гурдзыхан поставила перед мужчинами фынг и стала прислуживать им. Таджи и Бицико выпили за здоровье друг друга. Вскоре Бицико

заговорил о деле. Гурдзыхан, смутившись, оставила мужчин одних.

После приличествующих случаю разговоров Таджи согласился отдать дочь за Джиргола. Сразу же договорились и о калыме. Бицико не торговался и они остановились на пятидесяти коровах. Бицико, не откладывая, пригласил Таджи приехать за калымом через неделю. Как договорились, так и сделали. Таджи через неделю получил то, что ему причиталось, и двое влюбленных обрели, наконец, покой. Минуло лето. Урожай уже был убран, по берегам рек стал появляться лед, вершины гор укрылись снегами. Настал праздник Джиуаргуба и Джиргола женили. Это были смутные времена. Грузия пришла в упадок и не могла уже защищаться от врагов. Народы Кавказа нападали друг на друга, один за другими следовали грабительские набеги.

Человек-самый большой хищник на земле. Взор его алчен, душа ненасытна. Он силой отбирает у более слабого и добро и саму жизнь. В течение многих веков лучшие умы человечества прилагали все силы к тому, чтобы в мире воцарились любовь и справедливость, но им пока не удалось смягчить человеческие сердца. И много веков еще пройдет, прежде чем люди поймут, кто они такие, откуда вышли и куда идут.

Ненастной осенней ночью в дверь Таджи постучали:

– Принимай гостей, Таджи!

Таджи поднялся с постели и, одевшись, пошел к выходу. Женщины зажгли огонь. Таджи открыл дверь и в дом ворвались пятеро вооруженных людей. Таджи мгновенно понял, что это за гости и бросился к оружию, но абреки, это были дагестанцы, навалились на него и связали. Жена Таджи, схватив со стены кин-жал, по рукоять вонзила его в живот одному из грабителей, и тот мгновенно испустил дух. Остальные четверо выхватили сабли и изрубили Таджи и его жену. Они поймали вдову Дзама, связали ей руки, забрали все, что было ценного в доме, выгнали скот и скрылись в ночной мгле, прихватив с собой несчастную женщину. Через три дня они были уже в Дагестане. На другой день соседи, видя, что из дому никто не выходит, пришли узнать, в чем дело и обнаружили Таджи и его жену, лежавших в лужах крови посреди дома. Послали вестника к Джирголу и Гурдзыхан. Собрался народ. Покойников, оплакав, положили в склеп рядом с Дзама и Гурдзыбеком. Гурдзыхан сняла надочажную цепь Таджи и, повесив ее в знак траура себе на шею, отправилась домой.

Во времена присоединения Грузии к России в Хиуском ущелье жила одна ничем не примечательная фамилия. Когда русские войска стали продвигаться в Грузию, народ разделился на две части: одни были на стороне русских, другие же оказывали им сопротивление. Люди из хиуской фаздили, о которой мы говорим, помогали русским, показывали им дороги и, научившись кое-как объясняться по-русски, завели дружбу с начальством. А оно, в свою очередь, не скупилось на награды и вскоре получилось так, что эта фамилия возвысилась над другими. Они постепенно прибрали к рукам всю округу и никому не давали поднять головы.

Многие люди стали пытаться сблизиться с этой фамилией, брали себе из нее воспитанников. Отец Джиргола в свое время тоже взял на воспитание мальчика из этой фамилии, по имени Теджиа. Тот вырос высокомерным, заносчивым и вероломным и не годился ни в друзья, ни в родственники.

Гурдзыхан оставалось две недели до снятия траура, когда Теджиа пришел к ним в гости. Был какой-то праздник, в доме не было никого, кроме Гурдзыхан – все остальные ушли к часовне. Гурдзыхан приветливо встретила Теджиа, как и полагается встречать

родственника, пригласила его в дом, поставила на стол еду и питье. Теджиа, выпив, захмелел и завел бесстыдные разговоры. Гурдзыхан, побледнев, гневно нахмурила брови и крикнула ему:

– Ведь ты наш родственник, ты воспитывался в этом доме, ты вскормлен нашим молоком, как же ты смеешь мне, женщине, носящей траур, говорить такие слова?! – и, повернувшись, пошла к двери.

Теджиа, догнав ее, схватил и бросил на кровать. Она кричала, отбиваясь но тщетно: негодяй сделал свое грязное дело и ушел.

Гурдзыхан закричала, плюнув ему вслед:

– Будь ты проклят, подлая собака! – и зарыдала. Она, плача, обернулась, оглядела комнату, достала откуда-то веревку и привязала ее к потолочной балке.

– О, всевышний боже, о, Мать Мария, вы видите все, и вам поручаю я свою несчастную грешную душу! – сказала она, обвязала веревку вокруг шеи и повисла под потолком. Солнце клонилось к закату, когда люди вернулись в село. На улицах царило веселье, но внезапно из дома Джиргола донеслись крики и рыдания. На шум сбежались соседи, развязали веревку, но было уже слишком поздно: Гурдзыхан умерла. На-род недоумевал, никто не мог понять, почему она покончила с собой – ведь они с мужем жили в любви и согласии. Так и осталась тайной причина смерти Гурдзыхан.

Горе старит человека раньше времени, – черные усы Джиргола покрылись инеем, словно осенняя трава, стройный стан согнулся, лицо побледнело, на лбу залегли морщины. Он стал заикаться, сон не шел к нему, все его мысли были связаны с непонятной гибелью Гурдзыхан. Целыми днями сидел он, неподвижный и молчаливый, на пороге своего дома, а ночи проводил на могиле Гурдзыхан.

Но нет такой тайны, которая рано или поздно не раскроется. Теджиа, человек распушенный и легкомысленный, водил Дружбу с такими же женщинами и часто, захмелев, рассказывал им о своих похождениях. Как-то раз, будучи в гостях у одной из них, по имени Госази, он, крепко выпив, ночью проболтался о случае с Гурдзыхан. Надо сказать, что Госази ублажала не одного Теджиа, так что вскоре несколько человек узнали историю самоубийства Гурдзыхан, а через несколько дней история эта стала достоянием всей округи. Джиргол, разумеется, тоже узнал, как все произошло и решил убить Теджиа.

Всевышний прощает многое, но не все. Через короткое время Джирголу представился удобный случай: Теджиа сам заявился к нему в дом. Пьяный, он сидел, развалившись в кресле посреди комнаты и важно разглагольствовал. Джиргол молча сидел в углу напротив и думал про себя: «Не годится убивать его в собственном доме. Лучше я отпущу его, а потом догоню и убью где-нибудь по дороге». Тем временем Теджиа, сыто икая, стал издеваться над ним:

– Ты, Джиргол, был бы хорошим человеком, если бы нашел мне на ночь какую-нибудь женщину.

При этих словах Джиргол едва не задохнулся от гнева. Не в силах больше сдерживаться, он выхватил кинжал и всадил его в жирное брюхо Теджиа. Тот остался пригвожденным к креслу, внутренности его вывалились наружу. Ночью Джиргол, привязав труп к хвосту лошади, выволок его со двора и, бросив в поле между Окрокана и Коб, ушел в абреки.

Осетины, будучи когда-то большим, многочисленным народом, сами довели себя до плачевного состояния. Они никогда не были крепки братским единством, их мало

волновала чужая боль, они часто убивали друг друга из-за пустяков, проливая братскую кровь.

В ущелье Тырсыгом жила одна семья из рода Семмарзата. Однажды Джиргол заночевал у них, не зная о том, что Семмарзата близких отношениях с его кровниками. Хозяева уложили его спать, а сами, когда он уснул, налили воды в ствол его ружья, затупили его саблю и кинжал и послали гонца с известием и его кровникам. Те устроили Джирголу засаду в Касарском ущелье. На рассвете Джиргол отправился в путь и в Касаре встретил двенадцать вооруженных врагов. Те начали стрелять в него. Он выхватил ружье, но ружье не выстрелило. Он пытался отбиваться саблей, но тупая сабля не наносила врагам никакого вреда. Тогда, видя, что деваться некуда, он стал опершись на бесполезный клинок, и сказал:

– Что ж, бейте меня, собаки, ваша взяла!

Из ран его ручьями текла кровь, он медленно, как подрубленное дерево, упал на землю и жизнь покинула его.

На другой день весть о гибели Джиргола облетела ущелье. Люди, отправившись в Касару, нашли там предательски убитого Джиргола. Его привезли домой. Братья его умерли раньше, в доме оставалась только старая мать Джиргола. Соседи устроили поминки за общественный счет и похоронили Джиргола рядом с Гурдзыхан. Народ разошелся и только рыдания старой женщины слышались из осиротевшего дома. Так кончилась история Гурдзыхан и Джиргола. А теперь вернемся к вдове Дзама, что же случилось с ней?

Как я уже говорил, разбойники угнали вдову Дзама в Дагестан и там продали какому-то наibu. Тот, в свою очередь, продал ее еще кому-то. Так за долгие годы ее продавали несколько раз, и в конце концов она оказалась в Чечне. А там ее купили осетины из рода Мамсырата и привезли в Осетию, в Гизель. Она уже стала забывать осетинский язык, когда Мамсырата спросили ее, кто она такая, она ответила им: «Кудаг», что значит «из Кудского ущелья». Так ее и стали звать.

Шли годы. Россия укрепила свою власть на Кавказе, людей лишили прежней воли. Мамсырата решили переселиться в Турцию. Они взяли с собой и Кудаг. Путь их лежал через Арвыком, постепенно они приближались к родным местам несчастной женщины. И когда она, наконец, увидела родной дом, склеп, в котором лежали Дзама и Гурдзыбег, когда она вспомнила прошлую жизнь и все страдания, которые пришлось ей перенести, сердце ее мучительно сжалось, вспыхнуло огнем, словно его сдавили раскаленные железные обручи. Вдова упала на колени и зарыдала. Слезы потоками лились по ее старым, иссохшим щекам.

К ней подошла какая-то старушка и участливо спросила:

– О чем ты так плачешь, бедняжка? Вдова, собрав остаток воли, уняла рыдания и спросила старуху:

– Ради бога, ради всего святого, не знаешь ли ты жену Джиргола Гурдзыхан?

Старуха, вздохнув, ответила:

– Как же мне было не знать ее! Да только она давно уже умерла. И Джиргол тоже умер – его убили кровники,- и рассказала все, как было.

От горя вдова не смогла даже заплакать. Ее лицо покрылось мертвенной бледностью, свет померк в глазах. Она ударилась головой о придорожный камень и тут же скончалась.

Мамсырата остановили свои арбы, похоронили ее недалеко от дороги. «Мир тебе и

светлая память!» – сказали они и отправились в Турцию. До сих пор возле Арвыкомской дороги ви-ден небольшой могильный холмик, где похоронена вдова. Мир праху ее!
Конец и нашей печальной повести.

Перевод Т. Саламова по материалам сборника рассказов "Азау", С.Гадиев,
издательство "Иристон", 1984